
УДК 101.1:316

ББК 60.0

С 32

Е.А. Сергодеева,

доктор философских наук, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, тел. 8(909) 77-03-363

Традиции в современном обществе: особенности конструирования идентичности

(Рецензирована)

Аннотация. В статье производится культурфилософский анализ роли и места традиций в становлении личностной идентичности в современном обществе. Обосновывается понимание традиции как социокультурной парадигмы формирования стиля мышления и поведения, тематизирующей историчность. Отмечается, что процесс конструирования идентичности в «посттрадиционном» обществе предполагает плюрализм традиций и коммуникацию между ними.

Ключевые слова: идентичность, традиция, современность, посттрадиционное общество, коммуникация, модернизация, глобализация.

E.A. Sergodeeva,

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy Department, Humanity Institute of North Caucasus Federal University, Stavropol, ph. 8 (909) 77-03-363

Traditions in modern society: features of designing identity

Abstract. The paper provides the culture and philosophic analysis of a role and a place of traditions in formation of personal identity in modern society. The author proves that tradition can be conceived as a sociocultural paradigm of formation of style of thinking and behavior, thematizing historicity. It is noted that process of designing identity in “post-traditional” society assumes pluralism of traditions and communication between them.

Keywords: identity, tradition, contemporaneity, post-traditional society, communication, modernization, globalization.

Проблема идентичности становится одним из важнейших вопросов социогуманитарного дискурса на рубеже XX-XXI веков. По словам З. Баумана, «разговоры об идентичности и о связанных с нею проблемах сегодня слышатся чаще, чем когда-либо в Новые времена, и поэтому правомерен вопрос, не отражает ли теперешняя обеспокоенность общее правило, согласно которому вещь замечают, лишь когда она пропадает, перестает работать или разваливается» [1]. Действительно, в современной культурной ситуации кардинально изменяются механизмы продуцирования идентичности, ее по-

иск и становление становятся перманентным процессом, а следовательно, проблематизируется. Кроме того, вопросы идентичности становятся центральными в современных социальных теориях, поскольку связаны с осмыслением их основополагающей тематики. Современная цивилизация, приобретая глобальный характер, создает новый тип культуры, трансформирует структуры повседневности человека, вносит изменения в характер его деятельности и общения. Это рождает мощный и во многом противоречивый вызов человечеству, чрезвычайно усложняет все параметры нынешнего человеческого

существования, порождает новые императивы самосознания и деятельности людей.

Переход к современному обществу характеризуется «всепроникающей рационализацией всех сфер социума, что приводит к сдвигу от традиционных, обычно религиозных, ценностей к рационально-правовым ценностям в экономической, политической и социальной жизни. В данной парадигме рационализация рассматривается как вытеснение целерациональным действием всех остальных видов социального действия, в том числе основанных на традиции. Однако для более корректного понимания сущности культурных трансформаций современного общества необходимы уточнения в понимании самого концепта традиции. Последний, как впрочем, большинство философских терминов, не имеет строго однозначного определения. Зачастую его дефиниция совпадает с этимологией и под традицией понимается некая трансляция опыта от поколения к поколению. Такое определение является нейтральным и означает лишь передачу и сохранение некоторого содержания. При более тщательном анализе в истории философии можно выделить, по крайней мере, два подхода к определению традиции. Первый сформулирован в рамках натуралистической (морфологической) культурологии и выдвигает понимание традиции как совокупности тезисов, принимаемых последующими поколениями либо в чистом виде, либо в интеллектуальной обработке. Второй подход характерен для герменевтического и феноменологического направлений философской мысли. В их рамках традиция понимается как «предрассудок» или некоторый образец, по нормам которого формируется стиль мышления или поведения. Такое ценностное понимание традиции по сути дела тематизирует проблемы историчности и коммуникации. Оно предполагает, что механизмы социального действия — это не социальные инстинкты и не слепое подражание авторитету, а обобщение процессов сознательной мотивации с точки зрения их интенцио-

нальной направленности. Традиция означает умение работать с возникшими в социокультурном пространстве и получившими стабильное содержание символами. Это, в свою очередь, позволяет связать традицию с языком. Если рассматривать традицию как способ установления коммуникации, то ее различные виды — предметные, нормативные, ценностные или идейные — всегда реализуются в определенных языковых структурах. Главный акцент здесь ставится не на содержании, которое может быть нейтральным, а на самой мотивировке к передаче. Традиция в данном смысле не означает элиминации индивидуальности и ориентацию на стереотипичность поведения. Напротив, для некоторых обществ установка на аномичность и индивидуальность является как раз традиционной.

Подобное понимание традиции позволяет понять, что взаимоотношения между традицией и модернизацией (осовремениванием) на деле оказываются более сложными. Модернизация не отменяет традицию, а постепенно реформирует ее, традиция, в свою очередь, не блокирует модернизацию, а ограничивает ее, приспособляясь к существующим отношениям, и медленно приспособляется сама. Проект модерна обеспечивал больше гуманитарных прав и свобод, более энергичную социальную динамику и интенсивный рост материального производства. В этих условиях накопленный Европой опыт делался привлекательным для мира в целом. Процесс модернизации включал в себя общее для всего человечества представление о прогрессе как развитии вслед за Западом, олицетворявшим современность. Это обнаружило новые нюансы взаимодействия традиции и модернизации. Дело в том, что их связка оказывается эффективной в случае органической модернизации, в странах с неорганической модернизацией ситуация складывается существенно иначе. Экспансия инноваций производилась достаточно быстро, что ставило на повестку дня вопрос об адаптации культурного опыта к распространению новых социальных

практик, или, в случае невозможности такой адаптации, приводило к необходимости слома традиций, их быстрой и насильственной трансформации.

В наибольшей степени прогрессистские тенденции модернизации проявились в ситуации глобализации. Универсальное распространение однородных культурных образцов и постепенное создание единой глобальной системы экономики и социального управления, с неизбежностью влечет за собой элиминирование национальных традиций и особенностей. В. Рудометов и Р. Робертсон отмечают, что процесс глобализации не только порождает однообразные структуры в экономике и политике разных стран мира, но и приводит к глокализации — адаптации элементов современной западной культуры к локальным условиям и местным традициям. Феномены глокализации при этом представляют собой наиболее успешный синтез традиционных и модернизационных ценностей в условиях глобализации. Зачастую же реакция традиций на глобализацию, по мнению Л. Ионина, оказывается консервативной, «особенное не просто сохраняется, но выпячивается, обретает неожиданно вызывающие, утрированные, даже уродливые формы. Оживает и наполняется новой жизнью не только традиционное, но прямо архаичное, прямо магическое — то, что казалось относящимся к давно прошедшим эпохам: сатанизм, рабство, ритуальное людоедство и т.п., не говоря уже о таких исторически совсем недавних вещах, как шариат, во многих местах земли успешно сосуществующий с современной экономикой и технологией и небезуспешно борющийся с рациональными правовыми методами. Традиционное, органическое в процессе глобализации мира не только не отмирает, а наоборот, активизируется...» [2].

Модернизация, вызывая социокультурную адаптацию социальных систем в процессе реализации их собственных целей в условиях меняющейся среды сопровождается непредвиденными последствиями, затрагивающими социокультурную и политическую сфе-

ры жизни. Р. Инглхарт и У. Бейкер обосновывают тезис о дивергенции (расхождении) ценностных ориентаций в обществах, входящих в различные культурные зоны мира. Согласно им, глобализация, связанная с конвергенцией ценностей, сопровождается непредвиденными последствиями и дисфункциями, связанными с традиционными ценностями. Они выделяют, по крайней мере, два тренда культурных трансформаций в современном обществе. Первый характеризуется структурными изменениями культуры в условиях модернизации и связан с постепенным переходом от нормативных (традиционных) ценностей к современным, ориентирующим на рациональность выбора, толерантность, доверие и участие в общественно политической жизни. Второй тренд характеризуется «культурным сопротивлением» и связан с сохранением, несмотря на модернизацию, влияния традиционных ценностей на индивидуальном, национальном, региональном и глобальном уровнях [3]. Отсюда следует, что одним из парадоксов модернизации и глобализации стал процесс укрепления традиционных ценностей. Поэтому глобальная конвергенция ценностей на основе определенной совокупности современных ценностей трактуется авторами как маловероятная, поскольку традиционные ценности продолжают оказывать свое особое, независимое влияние на процесс системных культурных изменений, вызываемых процессами экономического развития.

Для объяснения функционирования традиций в глобализирующемся социуме Гидденс вводит понятие «посттрадиционного общества». Он отмечает, что еще общества раннего модерна отличались попытками эмансипации от прежних традиций, однако некоторые важные элементы социальной жизни людей (в частности, семья и сексуальная идентичность) до недавнего времени находились под определяющим влиянием патриархальных традиций. В обществе же позднего модерна эта тенденция становится более радикальной. Благодаря возросшей степени

рефлексивности люди больше не воспринимают традиции как «естественный порядок вещей», а значит, они утрачивают свою безусловность и вступают в диалог с иными ценностными системами.

Результатом этих изменений является распространение культуры и социальных практик постмодерна. Социокультурное пространство современного общества из централизованного и иерархического становится совокупностью локальных и слабо скоординированных процессов. Это коренным образом изменяет способы идентификации человека. Если в эпоху модернизма человек был озабочен построением идентичности, а также ее поддержанием, то теперь приоритетной становится задача избежать ее окаменения, превращения в нечто раз и навсегда фиксированное. Процесс идентификации, полагает З. Бауман, воспроизводит принципиальное различие модернизма и постмодернизма, которое он демонстрирует парой соответствующих метафор: создание — переработка. В то время как процесс создания предполагает акт сам по себе необратимый, «одноразовый», переработка — многократно заново начинающееся действие. Случайность и эпизодичность он считает основными свойствами социального времени современности. Вследствие открытости современной социальной жизни и плюрализации ценностей и авторитетов, возрастающее значение в конституировании личностной идентичности приобретает выбор стиля жизни. На выбор стиля жизни оказывают определяющие воздействия все повседневные решения (что есть, во что одеваться, с кем общаться и т.п.), поскольку они касаются вопроса о том, «кем быть». И чем более посттрадиционной становится среда, в которой живет индивид, тем в большей мере стиль жизни затрагивает самое ядро самоидентичности, ее производство и изменение.

Подчеркивая особенности функционирования традиции в современном обществе, Л.Г. Ионин, проводит размежевание понятий традиции, канона и стиля. Традиция и канон жестко

предписывают определенные действия, делая поступки индивида или группы фактически анонимными. Современный образ жизни, напротив, позволяет выбирать существенно различные, иногда даже альтернативные, модели действия и поведения. Именно в этом случае применяется понятие «стиль», подчеркивая его отличие от понятий «канон» и «традиция». Ионин приводит несколько определений понятия стиля, подчеркивая, что под последним мы понимаем «что-то особенное и специфическое в поведении, образе жизни и способе самовыражения человека, социальной группы, социального слоя или даже целого народа, т.е. мы имеем в виду особую манеру писать, действовать, жить» [4]. Прежние формы идентичности, в связи с распадом прежних повседневных практик и их глобализацией, распадаются, что позволяет идентичности стать более гибкой и открытой.

В этой ситуации активизация манифестаций локальности — национального и религиозного сознания — это вполне естественная реакция на разрушение связей с традиционной общностью, проникновение «чуждых» идей, ценностей и моделей поведения. В условиях, когда рушится привычный мир, объединение вокруг первичных источников идентичности помогает людям обрести почву под ногами. Современная культура, в результате адаптации к неорганической модернизации и глобализации, не приводит к усилению роли целерационального и ценностно-рационального действий, а порождает новый вид социального действия. Л.Г. Ионин его относит к разновидности эмоционального действия, предопределяемого стилем.

Современные социальные теоретики, характеризуя культуру посттрадиционного общества, выделяет такие ее черты, как наличие ценностных альтернатив, глобальность рисков, активность доверия, рефлексивная самоидентификация. Личность в этом обществе, подвергаясь фрагментирующему воздействию систем, теряет прежние структуры идентичности, но ситуация

риска содержит не только опасности, но и новые возможности. Рост рефлексивности (детерминирующий потерю прежних форм идентичности) позволяет индивидам самостоятельно формировать те аспекты социокультурной идентичности, которые прежде определялись влиянием традиций. Отсюда возникает постоянная «открытость» идентичности, ее гибкость и в определенной степени независимость от традиций. Именно эти свойства позволяют Б.В. Маркову характеризовать современность как утрату зависимости человека от «почвы и крови», как глобализацию реальности, которая приобретает транснациональный и транскультурный характер и уже не регулируется прежними механизмами традиций [5].

«Стандартизированные биографии», присущие эпохе модерна, трансформируются в рефлексивные индивидуальные жизненные миры, где исчезают характерные для прежних обществ жизненные устои и моральные предпочтения. Человек общества постмодерна является носителем «рефлексивных биографий», которым присуще нетиповое планирование жизни самими индивидами, избирающими ту социальную группу и ту субкультуру, с которой они хотели бы себя идентифицировать. Гидденс полагает, что рефлексивность способна минимизировать риски, с которыми человек встречается в современном обществе и способствует рациональному конструированию собственной идентичности в ситуации плюрализма традиций.

Обретаемая современным человеком гибкость в определенной мере коррелирует с независимостью личности, ее свободой от давления и жесткой регламентации со стороны всевозможного рода авторитетов. Тем не менее, параллельно с обретением мобильности, самодостаточности, современные люди оказываются лишенными укорененности и человеческой привязанности. Им чуждо чувство Дома, равно как и ответственность перед другими. С одной стороны, такая идентичность соответствует реальной плюрализации

действительности, допускающей сосуществование самых различных форм культуры, ценностных ориентаций и смысловых структур. С другой стороны, появление синтетических идентичностей может иметь и негативные последствия. Одним из них является личностный кризис. Е.О. Труфанова констатирует, что «кризисная идентичность выражается в нарушении связей между различными Я-образами, в том, что некоторые Я-образы больше не вписываются в существующую систему, и требуется реформация, переструктурирования Я» [6].

Констатация внешней плюрализации действительности, сосуществования самых различных форм культуры, ценностных ориентаций и смысловых структур, приводит постмодернистов к размышлениям о возможных путях адаптации субъекта к этой ситуации [7]. Чтобы обеспечить бесконфликтное пребывание человека в современной культуре, они вводят плюрализм вовнутрь субъекта, разрушая его единство, но зато получая перспективу бесконфликтного пребывания субъекта в современности. Постмодернистский индивид в высшей степени прагматичен, легко меняет маски, которые служат способом адаптации к ситуации, и меняет свои убеждения, если считает это подходящим выходом из затруднительных положений. Он толерантен, живет сам и позволяет жить другим, боится и избегает ситуаций, когда ставится вопрос о пределах этой толерантности. По сути дела на месте субъекта оказывается «лоскутное одеяло персоны с потенциально спутанной идентичностью и умаленной персональностью. В качестве основания действия принимаются несопоставимые логики. Нет и какого-то интегрированного персонального стиля. Поскольку все на этом свете уже изобретено, то все, что может человек, — лишь более или менее удачно имитировать имеющееся» [8].

Таким образом, если идентичность человека общества модерна определяется как принадлежность к определенной группе (классу, страте), то идентичность в современном обществе,

в силу плюрализации стилей, не может рассматриваться как рациональный ценностный консенсус. З. Бауман отмечает, что на смену человеку прозаического модерна, лишённого выбора между геройством и святостью, пытавшегося осмыслить пройденный жизненный путь с точки зрения призвания или духовной миссии, приходит человек постсовременности, который мыслит и чувствует по-другому. Суть его жизненной программы — не построение идентичности, а избежание всякой фиксации социального места, времени, позиции. Такая идентичность служит гарантом сохранения плюрализма социокультурных образцов, способствуя распространению форм интеграции, не устраняющих многоликость общественной действительности. Ускользая от однозначной классификации, человек постмодерна не подрывают основ прежней специфичности, сло-

жившейся на четком разграничении Себя и Другого.

Таким образом, в современном обществе феномен посттрадиционализации выражается в радикальных изменениях социальной структуры, функционирования социальных институтов, ролей, норм и ценностей. Причем это касается глубинных структур, оказывающих непосредственное влияние на формирование идентичности человека. Рост рефлексивности, детерминирующий потерю прежних форм самоотжествления, позволяет индивидам самостоятельно формировать те аспекты социокультурной идентичности, которые прежде определялись влиянием традиций. При этом в точке пересечения множества традиций возникают такие культурные контексты, которые компенсируют культурные разрывы, порождая иррационализацию и архаизацию выбора жизненных стилей.

Примечания:

1. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №4. С. 133.
2. Ионин Л.Г. Новая магическая эпоха // Постмодерн — новая магическая эпоха. Харьков, 2002. С. 144.
3. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65.
4. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 166.
5. Марков Б.В. Человек и глобализация мира // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. СПб., 2001. Вып. 1. С. 117.
6. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии. 2008. №6. С. 105.
7. Федоровский А.П. Социокультурная идентичность в современной социальной теории // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. Вып. №4.
8. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности. Екатеринбург, 1995. С. 92-93.

References:

1. Bauman Z. From pilgrim to tourist // The Sociological Journal. 1995. No. 4. P. 133.
2. Ionin L.G. New magic era // Postmodern as a new magic era. Kharkov, 2002. P. 144.
3. Inglehart R. Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. V. 65.
4. Ionin L.G. Sociology of culture. M., 1998. P. 166.
5. Markov B.V. A human being and world globalization // Alienation of a person in the perspective of the world globalization. SPb. 2001. Issue 1. P. 117.
6. Trufanova E.O. Identity and I // Philosophy Questions. 2008. No. 6. P.105.
7. Fedorovsky A.P. Sociocultural identity in modern social theory // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Area studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies». Maikop: The AGU publishing house, 2011. Issue 4.
8. Trubina E.G. Told I: problem of personal identity in modern philosophy. Yekaterinburg, 1995. P. 92-93.